

А.А.Фет. Ранние годы моей жизни

<Отрывки>

Аполлон Григорьев. Воспоминания
Издание подготовил Б. Ф. Егоров
Серия "Литературные памятники"
Л., "Наука", 1980
OCR Бычков М.Н. <mailto:bmnl@lib.ru>

До самого экзамена я продолжал брать уроки истории по тетрадкам Беляева "хромбеса", {1} который постоянно говорил мне о приготовляемом им в университет изумительном ученике Аполлоне Григорьеве. "Какая память, какое прилежание! - говорил он, - не могу нахвалиться. Если, бог даст, поступите оба в университет, сведу вас непременно". <...>

Познакомившись в университете, по совету Ив. Дм. Беляева, с одутловатым, сероглазым и светло-русым Григорьевым, я однажды решился поехать к нему в дом, прося его представить меня своим родителям.

Дом Григорьевых с постоянно закрытыми воротами и калиткою на задвижке находился за Москвой рекой, на Малой Полянке, в нескольких десятках саженей от церкви Спаса в Наливках. Приняв меня как нельзя более радушно, отец и мать Григорьева просили бывать у них по воскресеньям. А так как я в это время ездил к ним на парном извозчике, то уже в следующее воскресенье старики буквально доверили мне свозить их Полонушку в цирк. До той поры они его ни с кем и ни под каким предлогом не отпускали из дому. {2} Оказалось, что Аполлон Григорьев, невзирая на примерное рвение к наукам, успел, подобно мне, заразиться страстью к стихотворству, и мы в каждое свидание передавали друг другу вновь написанное стихотворение. {3}

Свои я записывал в отдельную желтую тетрадку, и их набралось уже до трех десятков. Вероятно, заметив наше взаимное влечение, Григорьевы стали поговаривать, как бы было хорошо, если бы, отойдя к Новому году от Погодина, {4} я упросил отца поместить меня в их дом вместе с Аполлоном, причем они согласились бы на самое умеренное вознаграждение.

У Григорьевых взаимное впечатление отцов наших оказалось самым благоприятным. Старик Григорьев сумел придать себе степенный и значительный тон, упоминая имена своих значительных товарищей по дворянскому пансиону. Что же касается до моего отца, то напускать на себя серьезность и сдержанность ему никакой надобности не предстояло.

Мать Григорьева, Татьяна Андреевна, скелетоподобная старушка, поневоле показала отцу солидную и сдержанную, так как при незнакомых она воздерживалась от всякого рода суждений. Мой товарищ Аполлон не мог в то время кому бы то ни было не понравиться. Это был образец скромности и сдержанности. Конечно, родители не преминули блеснуть его действительно прекрасной игрой на рояли. {5}

Пока мы с Аполлоном ходили осматривать антресоли, где нам предстояло поместиться, родители переговаривали об условиях моего помещения на полном со стороны Григорьевых содержании. Ввиду зимних и продолжительных летних вакаций, годовая плата была установлена в 300 рублей.

На другой день утром Илья Афанасьевич {6} перевез немногочисленное мое имущество из погодинского флигеля к Григорьевым, а я, проводивши отца до зимней повозки, отправился к Григорьевым на новоселье.

Дом Григорьева, с парадным крыльцом со двора, состоял из каменного подвального этажа, занимаемого кухней, служившею в то время и помещением для людей, и опиравшегося на нем деревянного этажа, представлявшего, как большинство русских домов, венок комнат, расположенных вокруг печей. С одной стороны дома, обращенной окнами к подъезду, была передняя, зала, угольная гостиная с окнами на улицу и далее по другую сторону дома столовая, затем коридор, идущий обратно по направлению к главному входу. По этому коридору были хозяйская спальня и девичья. Если к этому прибавить еще комнату налево из передней, выходящую окнами в небольшой сад, то перечислены будут все помещения, за исключением антресолей. Антресоли, куда вела узкая лестница с двумя заворотами, представляли два совершенно симметрических отделения, разделенные перегородкой. В каждом отделении было еще по поперечной перегородке, в качестве небольших спален. Впоследствии я узнал, что в правом отделении, занятом мною, долго проживал дядька француз, тогда как молодой